

Глава 1

Регистрация прошла легко. На удивление легко. Не было ни пыточного зала, ни дыбы, ни приторно-мягкого допроса — ничего такого, чем стращали в училище. Сонный районный инквизитор записал в карточку рост и вес Эльзы, снял ксерокопию паспорта и осведомился:

— Головные боли бывают? Спонтанные вспышки агрессии?

— Нет, — едва слышно ответила Эльза. — Нет, ничего такого...

— Ну и хорошо. — Инквизитор даже улыбнулся: дескать, не робей, где наша не пропадала. Судя по круглощекому простецкому лицу в конопушках и взлохмаченным светлым волосам, не желавшим смиренно лежать в форменной стрижке, он приехал в столицу из какого-нибудь маленького поселка на севере. Должно быть, охотился на медведей или ловил рыбу и до поры до времени даже не думал о работе в инквизиции...

Эльза и сама не знала, почему вдруг задумалась о прошлом этого человека. Инквизитор тем временем сделал еще какие-то пометки на листке в тощей папке личного дела и, вынув из ящика стола коробочку с печатью, спросил:

— Цель приезда в столицу?

— Учеба, — торопливо откликнулась Эльза и нервно схватилась за сумочку: там лежало направление из училища в институт. — У меня тут...

Инквизитор отмахнулся.

— Ладно, верю. — Между верхними зубами у него красовалась щербинка. — Дам тебе сейчас квиток, что ты у нас поставлена на учет, отнесешь в деканат. Давай руку ладонью вверх.

— Левую или правую?

— Какую хочешь.

Эльза покорно протянула левую руку, внутренне подобравшись в ожидании пронзительной боли, которую должна оставить инквизиторская печать, властная и безжалостная сила, которая сковывает ведьму и не позволяет ей творить зло. Но никакой боли не пришло: прикосновение печати к коже оказалось легким и почти незаметным. На несколько мгновений на ладони проступил рисунок — изящное переплетение каких-то букв и тонких линий — и погас. Инквизитор посмотрел на часы и сообщил:

— Твой уровень — Альфа. Самый слабенький.

Эльза с трудом выдавила жалкую улыбку. Слабенький... Значит, не все так страшно и плохо.

Ей вдруг стало очень легко и спокойно. На какое-то мгновение Эльзе показалось, что она сейчас взлетит.

— Я такая же, как все? — осмелилась спросить она. Инквизитор кивнул и захлопнул папку.

— Все нормально, не переживай. Держи квиток, в коридоре — кулер, водички попей. И посиди, отдышись. Может голова закружиться.

Эльза качнула головой и поднялась с неудобного стула. И это все? Сколько времени прошло, минут десять?

Девчонка, которая заходила в кабинет после нее, была бледной до синевы и сжимала простенькую сумочку так, что тонкие пальцы казались окаменевшими. Эльза хотела как-то подбодрить ее, но почему-то не стала.

Вода в кулере оказалась ледяной до ломоты в зубах. Опустившись на желтый пластиковый стул возле стены, Эльза медленно сделала несколько глотков. Вот и все, она законопослушная гражданка, она ничем не отличается от остальных жителей королевства Аусвельд...

Из кабинета донесся крик — резкий, пронзительный, словно ведьму там кромсали на части тупыми ножами.

— Не... не сме... Нет!

Крик оборвался, а Эльза вздрогнула всем телом: от страха она сжала пластиковый стаканчик так, что вода вылилась на джинсы. Одна из бесчисленных дверей в коридоре открылась, выпускающая немолодого мужчину в форме — он нырнул в кабинет и вскоре практически выволок девушку, зашедшую после Эльзы. Лицо ведьмы было залито кровью, левая рука неестественно выгнута, и зеленые нити печати полыхали зловещим огнем. Лохматый инквизитор вышел следом и как-то виновато промолвил:

— Кто б мог подумать...

— Не берите в голову, Лютер. — Мужчина в форме сгрузил девушку на стул так небрежно, словно

она была тюком с тряпьем, и, пощелкав пальцами, мягко ткнул раскрытой ладонью в белый лоб ведьмы. Та содрогнулась всем телом, и полыхание печати принялось медленно угасать.

— Наверное, уровень Каппа, да, господин Хенкель? — робко предположил Лютер.

— Берите выше, — уважительно произнес Хенкель. — Окулус.

Лютер только руками развел. Сейчас он был похож на рыбака, который выудил сома в луже. Эльза так и не могла понять, почему смотрит на него и видит тихие озерные воды, старую лодочку с облупившейся зеленой краской на боках, поплавок на волнах...

Когда Хенкель скрылся в своем кабинете, Лютер сунул руки в карманы и задумчиво сказал:

— Тати, тебе с таким уровнем просто так работу не дадут. Извини. Обязательно под надзором.

Девушка посмотрела на него с такой лютой ненавистью, что Эльза похолодела.

— Изверг, — прошептала она. — Истязатель проклятый. Куда мне теперь деваться?

Лютер виновато отвел взгляд.

Тати шмыгала окровавленным носом, и Эльза, глядя на нее, понимала, что ей несказанно повезло иметь всего-навсего Альфу, с которой открыты все пути. Она хотела пожалеть несчастную ведьму, сказать ей хоть слово, но прекрасно понимала, что не будет этого делать.

В этом мире каждый за себя.

Тем более если ты ведьма.

* * *

Квартирка, которую сняла Эльза, выходила на проспект Покорителей — когда наступил вечер, Эльза поняла, какого дала маху, согласившись на предложение агента по недвижимости. По проспекту на полной скорости гоняли на мотоциклах, из окон и дверей бесчисленных кафе и ресторанчиков летели музыка и разговоры, и тяжелые темные шторы почти не спасали от сияния рекламных щитов. С другой стороны, институт в двух кварталах от дома, магазины и клиники под боком, так что нет худа без добра. Эльза поплотнее задернула шторы, принесла с кухни синюю пиалу с чаем и пакетик с конфетами и, устроившись на диване, включила телевизор.

Старенький, похожий на огромный ящик, он показывал всего один канал — второй. Пока налаживалась картинка, Эльза вслушивалась в голоса из динамиков: должно быть, шло какое-то ток-шоу. Ну и ладно, можно отдохнуть, не забывая голову серьезным и умным. Для серьезного и умного у нее будет учебный год.

— ...лишены гражданских прав, и я уверен, что их давать не следует.

Помехи рассеялись. Лицо человека на экране — молодое, холеное, с красивыми чертами античной статуи и пронизывающим жестким взглядом профессионального убийцы — принадлежало инквизитору: Эльзе не надо было смотреть на титры, чтобы понять, кто перед ней.

В студии поднялся шум. Молоденький ведущий, успевший прославиться исключительно либераль-

ными взглядами и скандальными темами передач, вскинул руку, призывая к тишине.

— Но мы прекрасно понимаем, господин Хольцбрунн, что времена меняются, — промолвил он. — Раньше верили, что кусок мяса в пятницу приводит в ад.

Хольцбрунн посмотрел на него так, что ведущий стушевался, но тотчас же независимо подбоченился. На экране появилась алая полоска с белыми буквами: Мартин Хольцбрунн, старший советник инквизиции.

— Религиозные догматы тут ни при чем, — отчетливо проговорил он. Голоса в студии сразу же стихли: Хольцбрунн *подавлял*. От его высокой худощавой фигуры катилась тяжелая мрачная волна, заставлявшая покорно опускать голову и становиться на колени, умоляя о пощаде. — Посмотрите на экран.

Освежающий зеленый чай с жасмином утратил вкус. Эльза почувствовала неприятный тянущий холод в животе. На огромной панели в студии появилась официальная фотография. Фас, профиль, табличка с номером. Совсем юная кареглазая девушка с золотистой косой. Левая часть лица — сплошной кровоподтек.

— Кристина Браун, — почти доброжелательно произнес инквизитор. — Шестнадцать лет. Нарисовала у однокурсника паутинку на подкладке пиджака, и парень умер через двое суток, отказали почки. Оказывала сопротивление при аресте, тяжело ранен один из наших сотрудников. Паренек не захотел с ней встречаться. Только и всего.

Щелчок — новая фотография на экране. Испуганная, коротко подстриженная брюнетка, с вытатуированной на шее бабочкой.

— Таисия Шерман. Пятнадцать. Цепь-порча на тарелках родителей. Мать успели откачать, отец умер в реанимации. Хотела жить одна в квартире, а родители мешали. Запрещали ей водить дружбу с маргинальными личностями. Вот и отобедали, как говорится.

Камера скользнула по лицам зрителей, взяв крупным планом женщину, прижимающую к губам кончики пальцев. Доброжелательное красивое лицо, искаженное испугом, казалось постаревшим.

Снова щелчок. На экране возникла угрюмая толстушка, смотревшая с вызовом, за которым виднелся страх, граничащий с паникой. В ушах по три сережки. Маленький шрам над губой.

— Маргарита Шоу. Девятнадцать. Работала нянечкой в детском саду, шестеро детей пострадали. Выпивала их энергию при помощи ласточки. Тоже порча, с таким вот милым названием. — Хольцбрунн откинулся на спинку диванчика и, сцепив пальцы на остром колене, продолжал: — И таких вот очаровательных барышень я за годы работы видел очень и очень много. Самое страшное то, что в толпе вы не отличите их от законопослушных гражданок. И вы никогда не знаете, что именно они делают прямо сейчас, в эту минуту. Может, привораживают вашего мужа. Может, пожирают силы вашего первенца. Может, убивают ваших родителей.

Лицо ведущего потемнело. То ли свет так лег, то ли молодой человек непрофессионально хотел

схватить факел и вилы вместо тонкого микрофона с логотипом телеканала.

Почему-то Эльза не удивлялась. Ты можешь быть идеальным человеком — но это ровно до той поры, пока окружающие не узнают, что ты ведьма. Как наставница в училище, которая всегда ставила Эльзу в пример остальным девчонкам — и которая потом едва не размозжила ей голову о камень, когда у мужа обнаружилась пневмония.

Наставницу перевели в соседний поселок. Эльзу перевели тоже. Директор колледжа отчего-то сочувствовал ей — выправил хороший аттестат и дал направление на учебу. Эльза так и не поняла, почему и чего ему стоило отправить ее именно в столицу. Когда она смотрела на директора, то видела только холм, заросший ромашками и мелким диким клевером.

— Поэтому инквизиция продолжает их отлавливать и ставить печати. Поэтому мы рискуем жизнью, — продолжал Хольцбрунн. — Каждый день, каждый час, каждую минуту. И мы не можем позволить себе...

Эльза нервно схватила пульт и нажала на красную кнопку. Инквизитор растаял во мраке, и девушка вздохнула и откинулась на подушку.

Она еще не знала, что уже завтра встретится с этим человеком — лицом к лицу.

* * *

Мартин провел почти всю ночь после ток-шоу в респектабельном ресторане, где напился до совершенно безобразного состояния. Нет, он, конеч-

но, держался на ногах, не буйнил и вел себя так, как подобает джентльмену, — но привычный разумный мир потерял стабильность и норовил убежать куда-то, обнажив неприглядную изнанку. Он не убегал, но Мартину хватало понимания того, что все способно измениться в любую минуту.

Его столик обслуживала тоненькая рыжеволосая официантка. Девочка-веточка, уровень Альфа — Мартину не понадобилось брать ее за руку, чтобы убедиться в этом. Девочка боялась его до дрожи в коленках, словно он в любую минуту мог взять ее за шиворот и утащить в пыточные. Маленькие рюмки, которые она приносила, дружно отплясывали на подносе, мелодично звякали, пытаясь убежать.

— Регистрация есть? — грубо осведомился Мартин после пятой. Обычно к этому моменту он достигал крайнего раздражения, которое затем начинало спадать, уступая место меланхолии.

— Есть, — кивнула девушка. На бейджике было написано имя, но Мартин не рассмотрел его точно. То ли Стива, то ли Стелла. Не важно.

— Ну и не трясись тогда, — посоветовал он и со знанием дела заметил: — Классные сиськи.

Девушка мгновенно покраснела, но не сказала ни слова. Мартин знал, что она не будет жаловаться администратору, а просто уйдет к бару и возьмет салфетку, чтобы стереть набегающие слезы.

Незачем реветь. Раз ты ведьма, то тебе лучше помалкивать и не отвечать.

Он окончательно пришел в себя под утро, рассчитался и вышел из ресторана. Проспект По-

корителей был накрыт сонной прохладной тишиной, в которой уже разливалось предчувствие наступающей осени. Легкий туман придавал спящему городу таинственное очарование. Мартин сунул руки в карманы и задумчиво побрел куда-то — без цели, просто для того, чтобы гулять.

Вчерашнее ток-шоу задело его сильнее, чем он ожидал. Обыватели, которые сейчас спали в своих квартирках, не имели представления о том, каковы на самом деле их соседки с меткой регистрации на ладонях. Они не знали, что именно сдерживают зеленые печати, поэтому с легкостью поддавались на провокации журналистов и либералов. Дескать, ведьмы и ведьмаки — это не зло, это просто такие же граждане королевства, просто с определенными особенностями. Мы ведь живем рядом с людьми, у которых, например, лишние хромосомы, — и ничего. А включение ведьм в нормальную жизнь общества — это новые рабочие места, новые открытия и прорывы в науке, новые перспективы.

Ага, конечно. Если вам хочется валяться на дороге с превращенным в кашу мозгом — направленное заклинание Шуука действует именно так, — то тогда да, перспективы самые радужные.

В тумане послышался легкий цокот каблучков, и Мартина обогнала официантка — та самая, то ли Стива, то ли Стелла. Она шла, низко опустив голову, прижимая к груди сумочку. Мартин дождался, когда расстояние между ними чуть увеличится, и окликнул:

— Эй, Стива!

Девушка вздрогнула всем телом и обернулась. Узнала в прохожем неприятного клиента и побледнела. Должно быть, представила в красках, что именно с ней будут делать в пыточных.

Значит, все-таки Стива. Мартин вынул из кармана пустой портсигар и осведомился:

— Ты куришь?

Стива стояла неподвижно, словно маленький зверек перед хищником. Мартин подошел вплотную, аккуратно заправил выпавшую из прически рыжую прядку за маленькое розовое ухо. Кажется, ведьма перестала дышать.

Мартин вдруг подумал, что именно в такие минуты чувствует себя по-настоящему живым.

— Нет, — прошептала она. — Нет, я не курю...

Мартин вздохнул и прочертил пальцем линию по ее прохладной щеке.

— Жаль, — сказал он и пошел дальше. Стива так и осталась стоять, прижимая сумочку к груди и ощущая прикосновение к лицу как ожог.

Потом Мартин обернулся, словно вспомнил что-то важное. В утреннем тумане девушка была похожа на статую или привидение.

— Пойдем, что ли? — сказал он. Пальцы Стивы дрогнули, и сумочка выскользнула, повиснув на тонкой цепочке.

— Куда? — пролепетала девушка. Мартин пожал плечами.

— Я-то откуда знаю, где ты живешь.

Она жила в старом доме, уцелевшем еще с войны — теперь его обступали новостройки, словно пытались вытеснить с проспекта. В крошечной